

ЛИТЕРАЛЛИ РОКЕНРОЛЛ

Рассказ

Не могу перестать открывать ее сториз, смотреть на ее язык. Это не гилти плэже, что-то другое, знаете, когда некий звук раздражает, но вы извлекаете его снова и снова и снова и снова. Или не можете отвести взгляд от пузырящегося на асфальте плевка. Я отписался, чтобы ее сториз не набрасывались на меня гепардами, но это не помогло: каждый день я стал заходить на страницу к ней через поиск и снова их открывать, эти сторисы, от которых у меня портится каждый раз настроение.

Чаще всего она в них снимает себя. У нее есть особенность, может быть связанная с устройством челюсти либо черепа в целом, а может быть это скорее что-то психическое, поведенческое, наркоманское, извращенское, точно не знаю, но в общем язык у нее как будто находится очень близко к внешнему миру, ведет себя слишком неуправляемо, лезет наружу при каждой удобной возможности, с трудом умещается во рту.

Ярче всего это проявляется, когда она что-нибудь пьет, особенно алкоголь, она любит пить алкоголь, она пьет его ежедневно, и она любит пить его на камеру, понтуясь тем, что делает это посреди буднего дня где-то на пляже, разумеется с подписью: «Как дела в офисе, коллеги?». Когда она пьет – сначала обязательно дотрагивается до стеклянного бортика языком, а потом уже отпивает. Но иногда и бокал ей не нужен, чтоб светануть лишний раз язычком: скуластое лицо расплывается в блаженно-хвастливой улыбке, и настырный гадёныш непослушно выглядывает из губ, как будто вылупляется из яйца.

Некоторые сториз обходятся всё же без языка. Не представляю, сколько усилий она прилагает, чтобы несколько секунд удерживать этого упыря в неподвижности. На большинстве сториз он в главной роли. Я пересматриваю такие сториз по несколько раз, застывая и передергиваясь.

Возможно, я реагирую так оттого, что однажды, еще даже не будучи на нее подписанным (это было первое наше свидание), соприкасался с этим языком ближе некуда. Она высунула его на полную длину, как делали Сид и Нэнси в фильме «Сид и Нэнси», и впечаталась им, как освежающей маской, в нижнюю половину моего лица.

Мне кое-как удалось упаковать это слюнявое безобразие обратно и перевести поцелуй в более скромный регистр, чтобы линия соприкосновения проходила не снаружи, а, как я предпочитаю, внутри нашего ненадолго общего рта.

– Постой, – упрямо сказала Лиана (ее в самом деле практически так и зовут). – Давай я тебе покажу как правильно. Вернее не так. Давай я тебе покажу, как МНЕ нравится это делать.

«Да уже показала вроде», – успел я подумать, пока она закрывала глаза, открывала рот и приближалась, церемонно выпуская наружу свое чудовище.

Павел Кошелев родился в 1997 году в Северодвинске. В 2015 году поступил в Рязанский радиотехнический университет, был отчислен. В 2022 году окончил сценарный факультет ВГИКа. Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Урал», «Формаслов» и др. В «Волге» публиковались две повести: «Фрукты и фруктики» (2020, № 11-12), «Пубертат земноводных» (2023, № 5-6).

Я отшатнулся и бормотнул:

– Давай просто так посидим немного, – слюнявый змеёныш застыл в дециметре от моих губ.
– Кажется, все на нас пялятся.

Она открыла глаза, язычок утянулся обратно, по разочарованному лицу пробежались пятнышки светомузыки. Мы были на вечеринке в полузаброшенной вилле на Бююкаде – самом большом из Принцевых островов, на котором когда-то прятался Троцкий, а теперь дикарились мы.

– Кто пялится-то? – она оглянулась по сторонам.

В углу два пижамно одетых турка раскуривали большущий джоинт, неподалёку подпрыгивал розоволосый коренастый добряк с тоннелями в ушах и взглядом серийного маньячеллы – художник, в честь закрытия выставки которого всё и происходило. Он снимал на телефон толпу пьяных людей, брыкавшихся в другом конце зала под техно.

– Ладно, – она улыбнулась с ехидцей, и непослушный кончик мимолетно выглянул из зубов. Я по-прежнему приобнимал ее за татуированное плечо (на правой ее руке помещалось примерно пять татуировок из двадцати четырех), но теперь создалось ощущение, будто мы с ней сидим на разных концах не дивана даже, а всей галактики. – Проехали. Может накуримся?

Она кивнула на тех самых турков в углу, с косяком.

– Да в принципе почему бы и...

Не успел я даже договорить, как Лиана метнулась к ним, по пути едва не споткнувшись, и со своим нарочито идеальным произношением стала пиздеть с ними на английском. Что именно говорила – не слышал (техно сменилось на хаус, но от этого тише не стало), турки переглядывались между собой с недоумением и насмешкой. Тем не менее джоинт длиной с ладонь временно оказался в нашем распоряжении. Мы по несколько раз затянулись и обратно рухнули на диван.

– О, я тоже хочу! – воскликнул маньяк-добряк и мультишным тасманским дьяволом устремился туда же, в угол.

Мы с Лианой хихикали друг над другом, прикладываясь каждый к своей персональной бутылке красного. «Она странно целуется – ну и что? – говорил мой внутренний самообманщик. – Много понтуете – ну и что? Сосредоточена на деньгах – ну и что? У всех свои недостатки. В целом она тебе очень нравится. А если и дальше быть одному в этом городе, то можно по-жесткому охуеть». Насчет последнего он был прав.

Познакомиться с кем-либо в эмигрантском тиндере – это в принципе большая удача, а Лиана к тому же еще и написала мне первая, первая предложила перейти в телеграм, первая предложила встретиться, в общем, совсем фантастика, настоящий джекпот.

– Как насчет сегодня? – задал я вопрос, мгновенно выдающий бездельника. Я работал кем-то вроде пиарщика одной амбициозной писательницы, и все задания на неделю делал за понедельник, а в оставшееся время пытался в условиях паранормальной турецкой инфляции каким-то образом выжить на ту скромную зарплату, которую она мне платила.

«Я свободна в субботу)», – написала Лиана.

Я рассказал ей про субботу.

«На острове? Звучит как безвыходная вечеринка. Мне нравится)»

Встретились на Кадыкёе за пару часов до отплытия. Погода была противная, начало марта. Чайки из-за слишком сильных порывов холодного ветра потеряли способность ловить хлеб, швыряемый им детьми и туристами с многочисленных паромов, идущих через Босфор.

Лиана мёрзла в тонкой джинсовке, без шапки. Когда увидела меня – на лице чуть заметно мелькнуло лёгкое разочарование: меня настоящего от меня на фото в анкете отделяло пять лет и пятнадцать кило. Но как только я достал из рюкзака бутылку с остатками вчерашнего красного вина – она засияла, как будто я продемонстрировал чудеса уличной магии.

Мгновенно допили, прошлись по барам.

В первом баре Лиана рассказала, что в Стамбуле совсем недавно. Она уехала в самом начале, успела пожить в Армении, Грузии, на Бали. Работает дистанционно и много, каким-то там менеджером. Путешествует вместе с коллегой, коллекционирует технику эппл, любимый фильм – «Комната» Томми Вайсо.

Во втором баре Лиана рассказала, что обожает закидываться грибами и смотреть в таком состоянии мемы или же мультики по типу «Рик и Морти» (искренне не понимаю, как под грибами такое возможно).

В третьем баре Лиана сказала, что я гораздо симпатичнее главного героя фильма Гаспара Ноз «Любовь» (каждый пятый во ВГИКе считал своим долгом сообщить мне, что я на него похож), а через пару минут сделала мечтательно-вспоминательное лицо, уткнулась в ладони и засмеялась.

– Что такое?

– Дженис Джоплин играет.

– И?

– Эта песня играла у нас с бывшим мужем на свадьбе. И вот играет сейчас.

Бывший муж – «наркоман и урод» – упоминался уже раз десять. Как будто в браке они пробыли не год, а всю долгую несчастливую жизнь, только вот всё никак не могут умереть в один день.

– Я, кстати, тоже был женат, – решил я рассказать.

– Серьезно?

– Прошлым летом развелся.

Много ли вы знаете людей, которые до двадцати пяти успели обручиться и развестись? Глупо, но мне подумалось, что это совпадение может нас сблизить. И, как ни странно, это сработало: по дороге к причалу мы с Лианой держались за руки.

Паром отчалил чуть раньше, чем успело стемнеть. На середине пути мы вышли на палубу ненадолго, чтобы Лиана могла попыть своим приторно-ягодным вейпом.

– С каким животным ты ассоциируешь себя? – вдруг спросила она серьезно.

– Не знаю. Возможно, мне бы понравилось быть пандой в зоопарке. Ты в курсе, что им показывают специальное порно для панд, чтобы стимулировать размножение?

– Не знала, – улыбнулась она. – Но я бы НИ при каких обстоятельствах, НИкогда, НИ за что на свете не согласилась бы жить в зоопарке, – выдала, отчеканив каждое «ни».

«О боже мой, какое феноменальное свободолюбие! – заговорил, проснувшись, мой внутренний сноб постмодернистской закалки. – Большой пошлятины в жизни не слышал». Я без труда от него отмахнулся, спросил у Лианы:

– А ты с каким?

– С гепардом, – ответила она без мельчайшей капли иронии. – Я такая же стремительная, литералли.

Внутренний сноб катапультировался из моей черепной коробки, выпрыгнул, грязно ругаясь, за борт и яростным баттерфляем поплыл обратно на Кадыкёй. Я же остался, где был, на пароме. Всё-таки одиночество делает нас не самыми привередливыми существами.

То ли меня так эпически накурило, то ли Лиана действительно рылась в сумке целый час, чтобы выудить наконец-то оттуда блистер. На ладони сверкнули две крошечные таблетки.

– Транквилизатор, – пояснила она.

– Э, их вообще-то нельзя с алкоголем мешать.

Сделав строптивый вид, Лиана выпустила (а вы сомневались?) язык, демонстративно водружила на него таблетки и запила их красным вином из горла.

– Каждый день это делаю, литералли, – ладонью вытерла рот. – Мне их психотерапевт прописал. Я ведь тебе говорила, что у меня пограничное расстройство личности? – внимательно на меня посмотрела. – Эй, ты чё?

– Да не, забей, всё нормально.

– Я всё видела! Ты глаза закатил. Не веришь, что это болезнь?

– Верю, просто она как будто у каждой второй уже, – говорил я, выгуливая внутреннего обрыгана-фашиста на относительно безопасной поляне, – тебе это странным не кажется? А?

Под действием транков Лиана заметно менялась, говорила вяло и слегка невпопад:

– Чем я тебе изначально понравилась?

– Ну, например, ты красивая.

– Это не то. Ты вообще в курсе, что все красивые в курсе, что они красивые?

Оригинальных ответов не находилось, мысли закручивались в спирали.

– Ты хотел бы еще раз жениться?

– Зачем? На ком?

– Вот я бы хотела еще раз замуж.

– На ком? Зачем?

– В смысле «зачем»? Для меня это литералли важно.

«Наркомана-урода тебе не хватило? Нужен теперь алкоголик-мудак?» – я подумал, но не стал это произносить, в любом случае шутка скользнула бы мимо: у Лианы совсем расфокусировался взгляд.

– Слушай, это хотя бы не феназепам? А то у меня бывшая жена увлекалась, когда мы только с ней познакомились. И тоже вином запивала. Бывали диковатые ситуации.

Лиана мотнула слегка головой.

– Хорошо. Хорошо, что не феназепам. Если нового поколения препараты, то еще ладно. Но все равно я тебе не советую. Организм ведь такая штука: никогда не знаешь, какую реакцию выдаст в следующий раз. Организм – это организм. Только и ждёт весёлой возможности круто тебя наебать...

Лиана резко согнулась, уставилась в пол, обхватив колени. Я подумал, что переборщил с друниловкой:

– Ты загналась? Я загнал тебя? Ты меня слышишь? Лиана?

– Мне очень. Срочно нужно. В туалет, – выдавила она по частям сквозь зубы.

Я вывел ее в коридор. У единственного туалета гоготала огромная очередь. Мы повернули к выходу.

– Потерпи, потерпи всего несколько метров, – объявлял я, будто автомобильный навигатор, – пять метров, три метра всего потерпи!

На последних двух метрах мои увещания потеряли последний смысл: из Лианы на кафельный пол рывками выплескивалось вино. Огромная клякса распространялась, стараясь занять как можно больше пространства прихожей.

– Прости, – сказала Лиана, легла на ступенях лестницы, ведущей на второй этаж виллы, уснула.

Люди спускались и поднимались, перешагивали через нее, визжали или же хохотали при виде рвоты. «Все нормально», – я говорил, не понимающий, что с этим делать, не знающий, как объяс-

нить им, что я вот буквально сегодня с ней познакомился, это вообще-то первое наше свидание, я здесь совершенно не при делах, не обращайтесь внимания, все хорошо, все нормально.

Кто-то принес мне ведро и швабру. Почудилось, будто я снова женат на студентке Литературного института и снова работаю там – в Литинституте – уборщиком, чтобы на правах сотрудника жить с ней в одной общаге. Руки вспомнили, как это делается. С уборкой я справился быстро, буквально за пару минут.

Еще вчера ты четырнадцатилетний читал первые абзацы «Бойцовского клуба» или другой книжки в рыжей обложке, а уже сегодня обнаруживаешь себя накурленным и пьяным на чужой полузаброшенной вилле, где под драм-н-бейс ритмы убираешь рвоту полужнакомой девчонки, при этом непроизвольно подмечаешь детали, думаешь о том, как будешь это описывать, оптика филигранно на такое настроена и датчик срабатывает безотказно.

Бывшая жена за пару месяцев до всей этой ситуации отметила, что в моей на тот момент новой повести часто упоминается рвота.

– У меня вообще, – отвечал я ей, – есть идея написать концептуальный сборник историй про это, в смысле про блевоту.

– «Библиотека блевоты», роман-энциклопедия.

– Потрясающее название.

– И жанр. Не забудь потом только упомянуть, что это придумала я.

Меня всегда забавляло сочетание ее финансовой расточительности и интеллектуальной бережливости: чересчур щепетильное отношение к копирайту в подобных смешных мелочах.

– По-любому упомяну. Только, я думаю, магнум опус этот надо писать лет в семьдесят. Ну знаешь, когда ты уже уважаемый весь такой гусь, серьезных романов понаписал. И вдруг держите, читатели: «Библиотека блевоты». Будет феерия. А в юности смысла нет. Да и историй к тому моменту наберется явно побольше.

Примерно так я сказал. На самом же деле я просто тогда уже начал себя ощущать в западне: подзаебло мусолить весь этот устаревший и смехотворный, никого не шокирующий трагикомичный угар. А куда, с другой стороны, деваться?

Сначала, еще в подростковом возрасте, в тебя проникает контркультура, ты аккуратно трогаешь это болото пальчиком, примеряешь на себя образ жизни, делаешь первые шажочки, впервые пробуешь сам о чем-то таком писать, охотишься за материалом и не замечаешь, как материал начинает охотиться за тобой: меняются декорации, но ситуации повторяются, и вот ты уже не выносишь из них особо нового опыта, а они продолжают происходить. Ты будто бы наблюдаешь, как за окном сменяются станции на досконально знакомой ветке метро, вот только никак не можешь приехать на конечную, и вдруг понимаешь, что не заметил, как ветка твоя загнута и превратилась в кольцевую. Ты игрался и заигрался, ебанулся, заглочил, застрял.

Вечеринка оказалась не такой уж безвыходной. На последнем, полуночном пароме мы отчалили с острова. Всю дорогу Лиана, поджав свои длинные ноги, спала на скамейке. На материке я вызвал от пристани Бостанджи такси в отдаленный, ортодоксальный район у горы, где улица опрокинута на сорок пять градусов, а из подворотен вырываются ядовитые испарения горелой пластмассы.

Сразу отвел Лиану в свою крошечную комнатку-норку, выдал футболку.

– Ты будешь спать здесь. Штаны снимай.

Я всего лишь хотел, чтобы она в грязных джинсах не дрыхла на относительно чистом постельном белье, а она, вероятно, подумав, что я ее в таком состоянии собираюсь тут изнасиловать, пробормотала:

– Нет, давай вот без этого, – и моментально вырубилась, не сняв ни одной штанины. Я постелил себе на диване в гостиной, лёг, уставился в потолок.

Вспоминалось, как пять с лишним лет назад моя будущая жена позвала меня к своей подруге на вечеринку в честь самайна – так в их компании называли хэллоуин. Почему-то особенно сильно запомнилось, как в дребезжащем вагоне метро долго ехал из своего ВДНХ в Южное Бутово и удивлялся размерам этого города, который меня ежедневно заново торкал, я тогда был в Москве совсем новенький.

Будущая жена, слегка покачиваясь, встретила меня в костюме ведьмы: кожаный корсет, готический макияж, бонусом в руке банка крепкого пива, дополняющая образ. Начало наших с ней взаимодействий совпало с ее деструктивным этапом («Мы встретились с тобой в странный период моей жизни» или как там?), писала по несколько стихотворений в день и имела обыкновение засыпать с тридцатой за день сигаретой во рту, стоя на перекрестках оживленных сияющих улиц. Чем-то таким она меня, вероятно, и зацепила. Я относился к ней как к ходячему материалу для творчества, о чем впоследствии сожалел.

– А какой у тебя костюм? – спросила хозяйка квартиры, выглянув из-за татуированного плеча будущей жены.

– Никакой. Я приехал в костюме себя.

Без костюма быть запрещалось, и мне выдали кигуруми-пижаму в виде единорога с розовым длинным хвостом. Кухня была переполнена незнакомыми мне людьми, почти каждый старше меня лет на десять, они пили текилу, но были слегка напряженные, ждали особо важного гостя, который на каждый самайн обязательно угощал всех травой. Он и в этот раз не подвёл. Курили через алюминиевую банку на балконе. Будущая жена, стоило ей единожды к этой банке приложиться, дошла кое-как до кровати в ближайшей свободной комнате и рухнула спать. Без нее я остался наедине с незнакомой толпой, одетой в костюмы злодеев и монстров. Время наёбывало меня поминутно, разукрашенные лица на кухне казались враждебными, интонации инородными, текила не помогала. Я лег рядом с будущей женой, обнял ее и извилисто думал о том, ехать мне обратно в общагу или не ехать: с одной стороны, неправильно здесь ее в таком состоянии оставлять, с другой стороны, не хочется здесь самому в таком состоянии оставаться, а решать нужно что-то срочно, срочнее некуда, вот-вот с конечной отчалит последний поезд метро, а вдруг я не успею добежать, а вдруг вместе с этим разрядится (почти разрядился уже) телефон, и я окажусь в незнакомом районе без связи, на холоде, в панике, не помнящий ни квартиры ни дома, лишенный возможности даже вернуться сюда, сожалеющий, что отсюда ушел.

И все-таки я решил попытаться успеть на метро, но перед этим обязательно разбудить будущую жену, попрощаться с ней, а она ни в какую не просыпалась, ни на что не реагировала, я несколько раз проверял ее пульс и прислушивался к дыханию, забывал результат проверки и заново проверял, чтобы убедиться, что она не мертва, просто спит, просто очень уж крепко спит от комбинации крепкого пива, текилы, этой совершенно безумной травы и сильного транквилизатора.

Метро уже точно закрылось, а я продолжал, продолжал. Вернулся откуда-то брат хозяйки квартиры: «Ребят, я конечно все понимаю, но я бы попросил все-таки освободить мою кровать, мне нужно спать и все такое, ну вы понимаете, спать это важно все-таки, да?». «Конечно! Буквально пару минут!» – я ответил с безумной улыбкой и продолжил трясти свою будущую жену за плечо, трясти все сильнее и сильнее, говорить «Просыпайся, пожалуйста, просыпайся, проснись», трясти всё сильнее, пытаться ее разбудить...

– Проснись.

Я открыл глаза.

– Сколько времени?

– Почти семь.

Невероятная рань для меня. Обычно я сплю до полудня.

– Я всегда в шесть утра просыпаюсь, – сказала Лиана, как будто бы прочитав мои расписидья-ские мысли, и ушла обратно в свою, вернее в мою комнатку. Расселась там, облокотившись на шершавую спинку дивана, и вытянула ноги на сломанную, нестабильную его половину. Я умылся, почистил зубы, пришел и сел рядом с ней.

– Да-а-а, вот это я понимаю, – воскликнула она и запрокинула голову, – литералли рокенролл! Всегда знала, что я настоящая рокенрольная девчонка.

– Тихо только, соседа разбудишь.

Сосед спал за стеной. Лиана кивнула и осмотрелась.

– А это у вас гостевая комната или ты в ней живешь прям?

– Живу. В смысле сплю. В основном я там зависаю, в гостиной.

– Как ты спишь на этом диване? Он же вообще неудобный.

– Не знаю, привык.

Я оглядел свою комнату ее глазами. Низкий скошенный потолок, голубоватые стены все в выбоинах и детских рисунках, ободранная таблица умножения приклеена к шкафу, сломанный диван, грязные тарелки на двух журнальных столиках, плюшевые медведи в тельняшках нарисованы на абажуре.

– Прико-о-ольно тут у тебя, – уныло протянула Лиана.

Очевидно, ей захотелось поскорее исчезнуть, свалить, уехать как можно дальше, перестать видеть это убожество. Я вспомнил про единственный козырь этой несуществующей по документам квартиры-мансарды, переделанной из чердака.

– Пойдем покажу тебе крышу.

Все супермаркеты, жральни-кебабные и бесчисленные магазины бытовой техники были закрыты: улица Ататюрка толком еще не проснулась, машины почти не ездили по ней в этот час, только таскались туда-сюда жёлтые, вечно заёбанные автобусы двух маршрутов: 16F, 19F. Со вчерашнего дня погода почти не поменялась, только добавился плотный туман, из-за которого не было видно даже примерных очертаний горы в конце улицы. Лиана, закутавшись в плед, курила и стряхивала пепел в мангал, наполовину заполненный позавчерашней дождевой водой.

– Да уж, погодка коньячная.

– Коньячная?

– Так любит мой босс говорить.

Она крутила туда-сюда своей персидско-кошачьей головой, смотрела на крышу без интереса, смотрела на небо, на улицу, улыбалась глупо и безразлично. Единственный козырь нашей квартиры явно ничем ее не впечатлил.

– Пойдем где-нибудь позавтракаем, – предложила она.

– Всё закрыто пока что. Можем гречки поесть.

– Гречки?

– Ну да, с шампиньонами. Она готовая, я разогрею.

– Ладно.

Становилось как-то уже неловко от того, как поступательно и стремительно Лиана разочаровывалась во мне. Пережёвывая жареную с грибами гречку (между прочим, любимое мое блюдо), Лиана искала за что бы зацепиться взглядом, чтобы дать еще шанс. Заметила на батарее пару кроссовок с буквой «N», под определенным углом смахивающей на «Z».

– Крутые, – с немного грустной улыбкой сказала она, страстная поклонница эппл, нью бэ-ланс, нетфликс и прочего говна.

– Ага. Это соседа моего.

Лиана кивнула, улыбка стала еще грустнее. «Ну что же это такое? – подумал я. – Зачем было уточнять, что кроссы не мои? Кто дёргал меня за язык?»

Чтобы заполнить неловкую паузу, Лиана как-то совсем уже грустно сказала:

– В принципе можем сходить куда-нибудь в следующую субботу.

– А можем и не откладывать, можем прямо сейчас.

– Ой, нет, у меня онлайн-занятие по английскому (*ну естественно*), потом я созваниваюсь со своим психотерапевтом (*само собой*), да и вообще мне нужно прийти в себя после вчерашнего происшествия. Как-то всё это переварить.

Я вызвался проводить ее до парома. Мы оделись, вышли.

Автобус маршрута 19F подъехал к остановке почти мгновенно.

Из-за тумана окна покрылись непроницаемым конденсатом. Мы не слушали музыку, не залипали в телефонах, не читали, даже не разговаривали почти, просто молча пялились перед собой, на серые пластиковые спинки впереди стоящих сидений.

– Так долго едем уже, – сказала она через полчаса. – Вы настолько далеко от центра живете?

– Стамбул просто очень большой. Гораздо больше Москвы, ты в курсе? Мы живем еще далеко не на самой дальней окраине.

Лиана равнодушно кивнула типа «ага, ага». Сама она поселилась центральнее некуда, в пяти минутах от пешеходной улицы Истикляль, о чем упоминала при каждом удобном случае, для нее это много значило.

«В девятнадцать лет мне больше всего хотелось очень много бабла, – сказала она мне в каком-то из баров на вчерашнем нашем свидании, и добавила: – В принципе, как и всем, правильно?» Я тогда промолчал, улыбнулся. Мне в девятнадцать лет на бабло было глубочайше насрать (и к двадцати пяти ситуация поменялась не так уж сильно), больше всего хотелось того же, чего и всегда. Чтобы меня любили?

У причала мы чмокнулись на прощание в щёку.

– Ну споемся ближе к субботе.

– Да.

Паром переправил ее на европейскую сторону города. Я остался на своей азиатской. Маленький спойлер: больше мы с ней не виделись никогда.

Через пару дней я заметил, что бывшая жена перестала отвечать на мои сообщения.

После нашего развода прошло полгода. За это время случился ее переезд в северную Европу, затем мое бегство в Стамбул, все это время мы продолжали общаться, переписывались почти каждый день, иногда созванивались, спасали друг друга от одиночества, она даже приезжала ко мне на неделю в гости.

Конечно же я догадывался, что она надеется обратно со мной сойтись, но выбирал об этом не думать, не замечать, нелепо себя обманывал.

И вот она вдруг перестала мне отвечать. Неведомым образом, спинным своим мозгом я будто заранее понял, в чем дело. Но всё же спросил напрямую: «В чем дело?» На следующий день еще раз спросил.

В ответ она мне прислала видео, несколько секунд из прямой трансляции в инстаграме: всё смазано, мы с Лианой сидим на том самом диване в обнимку, вроде не лижемся, но кто знает, сколько продлилась эта трансляция и что на ней было видно после того фрагмента и до?

Маньяк-добряк, виновник всего торжества оказался не только художником, но и когда-то организатором (в отличие от сотоварищей, ему посчастливилось вместо тюрьмы угодить в эмиграцию) «Маяковских чтений» в Москве, из-за чего моя бывшая жена-поэтесса была на него подписана. Она слишком не вовремя зашла в интернет и слишком не вовремя включила этот его эфир. Или наоборот слишком вовремя? В общем, не зря мне на том диване казалось, что кто-то подглядывает за нами.

«Понятно теперь?» – спросила она.

Честно говоря, я думал, что такие нелепые совпадения-разоблачения бывают только в плохом кино. Сочини я подобный сюжетный поворот, и мои мастера на сценарном факультете от души надо мной бы поржали.

«У этой истории есть смешное продолжение», – написал я.

«Не интересует», – она ответила.

«Оно вполне потянет на главу в “Библиотеке блевоты”».

«Я не хочу с тобой ничего иметь общего».

И через пару минут еще один выстрел, контрольный:

«Надеюсь, оно того стоило».

Я тоже очень надеялся.

И надеялся очень зря.

Я предлагал Лиане увидеться, а она сливала меня: не давала однозначных отказов, но каждый раз выдумывала отговорки, которые озвучивала зачем-то на видео в телеграм-кружочках, разумеется, поигрывая своим язычком и глядя в камеру взглядом, в котором читался коктейль из печали, снисхождения и отвращения. Я понимал, что ничего не будет, но не мог почему-то остановиться: как заведённый продолжал раз в несколько дней куда-нибудь ее звать. Банально, но я себя чувствовал бездомным щенком, которого почесали за ухом и сразу же оттолкнули.

В том марте Стамбул – хотел я того или нет (не хотел) – давал мне распробовать свою неожиданную начинку. Это лишь поначалу он притворяется добреньким, поживите там хотя бы полгода, и он обязательно приоткроет свое нуарное нутро: издевательское кривляние фонарей на поверхности чёрной воды, наблюдаемое с пустого (если не считать трех спящих бездомных, себя и литровую бутылку из-под дешевого вина, катающуюся по палубе взад-вперед) парома-призрака, который в четыре утра причаливает к пристани Кадыкёй, где нет ни единого дерева, только мрачно-жёлтые камни домов – вот что такое Стамбул для меня, а не скумбрия в хлебе и пахлава.

До переезда в Таиланд я прожил в этом городе десять месяцев и за это время успел неплохо его узнать. Я знаю единственную сеть супермаркетов, в которой продается гречка. Знаю, что в районе Фатих стоит появляться только в том случае, если тебе жаль уезжать из Стамбула и ты хочешь утвердиться в своем намерении это сделать. Знаю другие районы, в которые лучше вообще ни при каких обстоятельствах не заходить. Знаю расписание ночных паромов через Босфор. Знаю круглосуточные бары, где пиво дешевле, чем в магазинах. Знаю клубы с приличной музыкой, куда при удачном стечении обстоятельств могут впустить мужчину без женщины, хотя в целом это не принято, особенно в клубах с приличной музыкой. Знаю месторасположение всех турников в городском округе Мальтепе. Знаю, что в пять утра по субботам пешеходную улицу Истикляль очищают от нечистот водомётами. Знаю много чего ещё.

Познавая такого рода нелепости и премудрости, я ночами и днями бродил по этому бескрайнему мегаполису, из которого Лиана успела уже уехать.

Впоследствии, в моменты острого одиночества я иногда задумывался: как бы изменилась моя стамбульская жизнь, если бы на ту вечеринку я приехал один, без Лианы? Может, я все-таки влил-

ся бы в это сообщество эмигрантов, называющих себя релокантами, в ту ночь мне представился очень хороший шанс. Хотя кого я обманываю? Чего я по-настоящему не умею, так это вливаться в какие-либо сообщества. Я в любом случае был бы один.

Лиана оставила после себя не так уж и мало: я стал счастливым обладателем ебанутой истории про тиндер-свидание, а это дорогого стоит. Но я все равно на нее обижался и злился. Чтобы хоть как-то взбодриться и отыграться, я на ходу остервенело записывал голосовые, рассказывал эту байку кому только можно и даже кому нельзя.

Люди сочувствовали, возмущались, смеялись, но одна реакция – от тамбовского поэта с лицом Брета Истона Эллиса – запомнилась мне сильнее других:

– Потрясающая история. Она очень многое говорит о современной эмиграции. Примерно так я всё себе и представлял.

В Тамбове, в Рязани, в Северодвинске, в бесчисленных других городах нас – уехавших – ненавидели почти так же сильно, как мы ненавидели себя сами.

В конце апреля на меня рухнула невиданная мной ранее сумма денег. Хотя вру, единожды виденная: когда я еще учился в школе, отец взял большущий кредит на машину, принес из банка наличные и ради прикола дал мне их поддержать, сколько-то аккуратных пачек красноватых банкнот. «Ты сейчас держишь в руках миллион», – он сказал. «Ну нихуя себе», – я подумал.

И точно так же подумал, когда после многих месяцев экономии на грани выживания ровно такая же сумма высветилась в банковском приложении.

Одна сомнительная кинокомпания внезапно заплатила мне гонорар, на который я давно уже перестал рассчитывать. Договор на сценарий был заключен год назад, сам сценарий написан еще на два года раньше, так что сумма действительно воспринималась натурально свалившейся с неба.

Волнение смешалось с радостью в пропорции три к одному, но радость оказалась отравленной: ее было не с кем отпраздновать и разделить, отчего эти деньги казались жестокой насмешкой свыше. Больше всего хотелось отпраздновать с бывшей женой, но она по-прежнему меня игнорировала. Только после того, как она перекрыла мне этот кран, я осознал, как много наше общение значило для меня. Быть может, весь секрет в том, что она когда-то меня любила? Но это уже не имело значения.

Так или иначе, я решил хоть чем-то себя наградить: как минимум чтоб не скатиться в крошечное уныние, не взращивать жалость к себе. Нью-бэлансы покупать я не собирался, так что всё празднование свелось к тому, что я стал ещё больше пить, а также установил новое, на этот раз платное приложение для знакомств, специализирующееся на всевозможных разновидностях так называемого секса.

В течение следующего месяца я обнаруживал себя на долбоёбском квизе по Гарри Поттеру в компании тучной оперной певицы из Иркутска или же в элитном районе Шишли: в кровати с вебкамщицей Ксюшей из Сочи – девушкой озабоченного нефтяника-живчика, мастурбирующего и снимающего нас с ней на телефон. Особой разницы я не видел, особого смысла всё это не имело, я плохо себя узнавал. Уже сам не понимая зачем, я продолжал ходить на эти бессмысленные свидания и вот однажды оказался напротив рыхлой неприветливой женщины сильно за тридцать. Мы сидели на верхнем пустующем этаже бара в квартале Мода и вымучивали глупый утомительный диалог.

«Что происходит? – спрашивал внутренний мой ребенок. – Прощайся и уходи, тебе же совсем это неинтересно, она же тебе не нравится». Я был рад, что он еще жив, в смысле ребенок этот, мой внутренний. Но зачем-то все-таки произнес свой любимый вопрос:

– Может быть поцелуемся?

– Ты уверен? В этом нет какой-нибудь жалости или подобной херни?

Я приблизился над столом, закрыл глаза. Мы поцеловались. Нормально. Язык показался каким-то слегка коровьим, но да, нормально. Нормально. Я сказал ей, что она нормально целуется в отличие от Лианы.

– Слушай, ты прям конкретно на ней залип.

– Почему это?

– Да ты весь вечер только и делаешь, что рассказываешь про нее. Ты разве не замечаешь?

– Нет. Блядь. Может быть.

– Я тебе говорю.

– Это что получается, я теперь из этих, которые на первом свидании рассказывают про бывших?

– Получается так.

– Хотя она мне не бывшая даже. И вообще это, если что, не влюблённость, а что-то другое, не знаю. Какой-то сложносочиненный загон.

– Понимаю. Вернее не очень, но это не важно. Короче, не заморачивайся.

Мы выпили еще несколько неловких стаканов пива и навсегда разошлись. Она – не знаю куда, а я – через набережную на все тот же задроченный автобус маршрута 19F: несмотря на свое новое финансовое положение, я так и не полюбил гонять на такси.

Контуров древних дворцов и мечетей равнодушно светились на далеком другом берегу. На черной воде привычно кривлялись разводы фонарного джуса. Во мне неудобно что-то ворочалось после того поцелуя – нормального, но совершенно не нужного никому.

Время приближалось к полуночи, но набережная Кадыкёя не совсем еще опустела, и приунывший, за день уставший аттракционщик не торопился пока уходить: несколько воздушных шаров продолжали болтаться на нитке, натянутой между двух палок, воткнутых в прибрежные валуны. Никто меня не зазывал, я сам к нему подошел. Спросил, можно ли пострелять. Даже не знаю, зачем. Наверное, захотелось еще немного потратить. В ответ он кивнул мне слегка удивленно: аттракцион-то детский.

Я стрелял почти что в упор, с расстояния в два-три метра. Смотрелось это нелепо. Две сладкие парочки даже остановились понаблюдать и поржать, оживленно переговариваясь на турецком. Молодые надменные женщины в тесных кожаных куртках и их идеально подстриженные мужики.

«Может, я не туда стреляю? Может, их угандошить, прелестных таких?» – случайно и как-то даже беззлобно подумал я, но продолжил стрелять по шарам, которые один за одним превращались в резиновые тряпочки наподобие рваных презервативов. Седьмой, восьмой, девятый... Все десять штук.

После последнего обе парочки мне иронично поаплодировали. Я улыбнулся им, показал большой палец, и они, вполне этим пальцем удовлетворенные, весело отвалили.

Вернул пистолет, заплатил за выстрелы. Хоть и выбил все десять, ушел ни с чем. «Ну и что? – я подумал, когда уже сел в автобус. – Всё честно». Призов никто мне не обещал.